

ЛОВЧИЙ

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблучанского.](#)

В людской избе, на большой печи, в сумраке, зиму и лето лежал Леонтий, длинный и невероятно худой, заросший седой щетиной бороды, бывший бабушкин повар. В летние дни в людской часто бывало пусто, один Леонтий лежал на печи. На столе были прикрыты рядом черные хлебы. Я приходил, садился на лавку, отламывал корку, солил и ел. А Леонтий лежал и говорил:

- Да, барчук, не всегда я так лежал, мусором голову пересыпал. Не всегда и поваром был. Я у вашего дедушки по бабушке, у Петра Алексеича Чамадунова, ловчим был, стайей правил.

- Стаей собак?

- Так точно. Не телят же! Был сперва простым доезжачим, борзых, значит, вел, а вследствие времени ловчим стал. А ведь это вам не книжку прочесть, тут даже простого русака оследить, и то надо ум иметь. Вот хоть взять охотничий подклик - тут не одно хайло нужно! Тут кураж нужен. А я, бывало, как надам: "О, гой!" - так весь лес дрогнет! Опречь того, был дедушка ваш охотник смертный, завзятый, - ему угодить не всякий мог. Была у него заветная наложница, девка именем Малашка, - я потом расскажу вам как-нибудь, как я из-за нее погиб, попал под страшный сюркуп... Уж как он людей своих терзал, до чего неприступен был! А эта Малашка просто веревки из него вила, он за нежное ее притворство на все был готов. "Она мне, Леонтий, милые всех на свете!" Так прямо и говаривал мне. Я ему в ответ, что не может того быть, что, мол, это вы только замысловато шутить изволите, а он мне тверже того: "Нет, не шучу, и ты изволь слушать меня с примечанием". Ну, а я все противных мыслей был, все думал про себя: погодите, сударь, покажет она вам себя в некий срок! Ведь на сусле пива не узнаешь, ведь сейчас-то она пока девчонка, а вот как станет в лета входить... Они же между тем вдаль свои мечты не простирали, - мол, когда-то еще это будет! Мы такое заведение имели, после осенних охот был у нас завсегда большой публичный стол, так что же вы думаете? - они эту девку с гостями сажали! Ну, а после Малашки нащел охоты с ума сходили, и охоту держали мы истинно знаменитую. Так собаку любить, как дедушка любили, никто во вселенной не мог. Они всякую охоту обожали, - *и ла шас о леврье и о шьен куран*, - иной раз интересовались даже и мокрой, а весной по брызгам...

- Какой мокрой?

- А всякой, значит, болотной. И каких только собак у нас не было! Были понтеры, были сеттеры, были лягавые, а борзым и гончим и счет потеряешь - их за усадьбой целый стан у нас стоял. Ну и я гончих и борзых любил - может, не меньше дедушки. Из того и холостой навек остался, не увлекался самыми первыми красавицами. Да и некогда было, круглый год только стоя на уме. Да и что эти красавицы, барчук! Все, как говорится, на один и тот же вкус, подобно курице, - что черный, что белый хохол. Все эти понтеры, сеттеры, лягавые мне были нипочем, ружья я и не знал. Бывало, спросит дедушка: "Ну как, Леонтий, на твой взгляд, моя новая лягавая?" Хороша, скажешь, сударь. Стоит мертво, подает отлично. Они опять изволят ко мне приставать: "Нет, ты скажи мне, пожалуй, хорошенько, что ты точно думаешь?" Да что ж, говорю, могу я точно думать? Не возьмите во гнев: не могу я ни понтера, ни сеттера, ни лягавую любить, из какого гнезда они ни будь.

- Как из гнезда?

- А это всегда так, сударь, говорилось: из дурного гнезда собака, из хорошего гнезда собака... из какой фамилии, значит.

- А как еще говорилось?

- А мало ли как. Теперь так уж не могут говорить.

- Ну скажи что-нибудь.

- Да что ж не к делу говорить? Это подобно тому, как песню петь некстати. Вот была, к примеру сказать, самая главная песня у нас - лучше этой песни, на мой сгад, на свете нет, а петь ее надо было тоже ко времени. Это была самая наша задушевная: "Выпьем, други, на крови!" Эту песню, сударь, пели на добыче:

Выпьем, други, на крови!

И вот уж истинно картина была: лежит па поляне "пятый зверь, кровяной, гордый, уж с пленкой на глазах, с кушенным языком, а округ него целой ассамблеей охотники - вдаришь в рог, и грянут все хором: